

Русская литература

поэта: «На поприсъ уна нельзя намъ отступать; пусть никогда не забываютъ они того, что дружина ученыхъ и литераторовъ всегда должна стоять въ первомъ ряду во всѣхъ изыскахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности, — какъ завѣщальникъ Пушкинъ. Такая дѣятельность будетъ дѣйствительно почетной — не позванію только, но и на самомъ дѣлѣ.

II.

«Въ столицахъ — шумъ, гремѣть вѣтъ, кипитъ словесная война... А тамъ, въ глубинахъ Россіи» — что-то творится тамъ, въ этой далеко еще неизвѣданной глубинѣ, куда, время отъ времени, опускается смѣлый водолазъ-писатель и выноситъ на свѣтъ Божій перлы дѣйствительности? Каковы эти перлы?

Недавно въ «Жизни» появилась новая повѣсть Антона Чехова «Въ оврагѣ». Известно, что Чеховъ изъ всѣхъ молодыхъ нашихъ писателей отличается, въ особенности, отсутствіемъ лиризма: критика даже не разъ упрекала его въ томъ, что изъ его произведений никакъ не выжмешь его собственного сока, — не догадаешься, что-же онъ-то самъ думаетъ о тѣхъ лицахъ и фактахъ, которые съ такой яркой жизненностью встаютъ передъ читателемъ съ его страницъ, на чьей сторонѣ его любовь или вражда. Конечно, если-бы все это было легко обнаружить, то Чеховъ не изыскалъ-бы другого упрека, — въ «тенденціозности»; а, вѣдь, тенденціозность — это своего рода «жупель», котораго страшится не одинъ московскій купчиха... Писатель избралъ благую часть: вовсе не его дѣло давать правонаученія; вѣдь, и сама жизнь не подсказываетъ никакихъ правоученій, а просто идетъ своимъ путемъ: смотрите на нее, «запускайте руку глубже въ ея нѣдра», какъ совѣтовалъ Гете, — а выводы пусть каждый дѣлаетъ самъ, по собственному разуму и совѣсти.

И Чеховъ слѣдуетъ этому благому совѣту: онъ глубоко запускаетъ руку въ самую сердцевину русской жизни, захватываетъ въ ней характерные куски и предоставляетъ намъ ихъ разсматривать съ такихъ точекъ зрѣнія, какія намъ самимъ угодно будетъ устано-

вить. А сомнѣваться въ правдивости художника, въ томъ, что онъ неуклонно вѣрнѣе изображаемой имъ жизни, мы, разумѣется, не имѣемъ никакого права.

Для новой своей повѣсти Чеховъ обратился къ тому-же «сюжету», которымъ онъ уже занимался раньше, — въ своихъ «Мужикахъ». Этотъ «сюжетъ» — жизнь нашей деревни. Другими словами — собственно того, что принято называть сюжетомъ или фабулой, въ повѣсти почти вовсе нѣтъ, и передать ея содержание можно только въ самыхъ общихъ чертахъ; это — не «интересный случай», а жизнь, какъ она есть, во всей ея подчасъ трагической простотѣ и неуклюжести, безъ заранее подготовленныхъ эффектовъ. Оттого и впечатлѣніе получается гораздо болѣе сильное и непосредственное, чѣмъ тогда, когда писатель лишегъ съ заранее обдуманнѣмъ намереніемъ. Но, въ то-же время, Чеховъ далеко и отъ простой фотографической передачи своихъ наблюдений: правдиво изображая живую дѣйствительность, онъ рисуетъ свои картины, группируя лица и событія, не какъ попало, а съ умѣлымъ, чуткимъ выборомъ.

Вы помните, конечно, какъ живутъ чеховскіе «Мужики», за которыхъ автора упрека-

ли въ томъ, что онъ, будто-бы, слишкомъ стусилъ темныя краски на своемъ художественномъ полотнѣ. Тяжелая нужда, вѣчная забота о копѣйкѣ и всегдашняя грызня изъ-за этой копѣйки, которую однимъ приходится добывать непосильнымъ трудомъ, а другимъ удастся вырвать у бѣдняка наглѣмъ нахрапомъ; полная власть тѣмъ надъ этими «бездарными стадами», я въ этой тѣнѣ — чуть замѣтный просвѣтъ павной и покорной вѣры, въ которой выразилась своеобразная философія человѣческаго страданія, не чуждая отъ земной жизни никакихъ утѣшитель... Въ ту-же тяжелую, душную атмосферу переноситъ насъ Чеховъ и въ новой своей повѣсти. Въ селѣ Уклеевѣ, заброшенномъ въ захолустный оврагъ, тонущемъ въ грязи и всевозможныхъ миазмахъ, которыми отравляетъ жителей жѣлтая фабрика, живетъ оборотливый старень Григорій Дыбукинъ

Опъ держитъ мелочную лавочку, въ которой торгуетъ всякой гнилью, сбывая ее втридорога «слабымъ» и пьянымъ мужикамъ, которыхъ самъ-же спиваетъ. У Цыбукина два сына: одинъ—идіотъ, но за то женатый на бойкой и изворотливой бабѣ изъ самой хищной кулаческой породы; другой «пошелъ по ученой части»: служить въ городѣ сыщикомъ. Эти-то господа, совокупно съ присосавшимися къ деревнѣ фабрикантами, и орудуютъ «въ оврагъ» на всей своей волѣ. Вгорого своего сына, сыщика, Цыбукинъ женить на бѣдной дѣвушкѣ Липѣ. Обрядъ вѣнчаній, безответность жены, какъ будто, пробуждаютъ что-то похожее на совѣсть въ душѣ этого отпѣтаго прощальны, занимающагося всякимъ мошенничествомъ и даже фабрикаціей фальшивыхъ денегъ; но онъ скоро опить «приходить въ себя» и прямо выкладываетъ своей богобоязненной мамѣ, которая сокрушается, видя кругомъ одинъ обманъ, такія основы міросозерцанія деревенскихъ заправиль:

«Бога-то, вѣдь, все равно нѣтъ, мамаша... Папаша, вѣдь, тоже въ Бога не вѣруетъ. И старшина тоже, и писарь тоже. А ежели они ходятъ въ церковь и посты соблюдаютъ,—такъ это для того, чтобы люди про нихъ худо не говорили, и на тотъ случай, что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ страшный судъ будетъ... Такъ цѣлый день ходишь,—и ни одного человѣка съ совѣстью. И вся причина, потому что не знаютъ, есть Богъ или нѣтъ».

Когда сыщикъ попался съ фальшивыми деньгами и его засудили «къ рѣшенію правъ», старикъ Цыбукинъ отдалъ снохѣ пустошь, на которую давно зарилась жена его старшаго сына, Аксинья. Последняя, въ злобѣ на безответную Липу, ошпариваетъ кипяткомъ ея ребенка. Осужденіе сына и трагическая смерть внука такъ поразили старика Цыбукина, что онъ совсѣмъ устранился отъ дѣлъ и даже пересталъ держать при себѣ деньги, ибо никакъ не могъ отличить фальшивыхъ отъ настоящихъ. Аксинья вошла въ долю съ фабрикантами и устроила себѣ всякое благополучіе, а безответная Липа стала ходить къ ней-же на поденную работу. Словомъ, жизнь опять двинулась въ обычную колею, какъ будто ничего и не бывало... и обиженымъ осталось одно только немѣстное угѣшеніе—въ пьяномъ видѣ голоситъ: «Насосались нашей крови, проды, нѣтъ на васъ погребей!» или сулитъ своимъ притѣснителямъ, что они на томъ свѣтѣ будутъ «жуликами...». Случайно на этомъ свѣтѣ, господа...

Съверовъ.

<П.О. Морозов>